

Вячеслав
Бутиков

Кукла на двоих

Вячеслав Бутаков

Кукла на двоих

«Автор»

2026

Бутаков В.

Кукла на двоих / В. Бутаков — «Автор», 2026

Старинная кукла хранит древнюю тайну: когда-то колдун оживил её. Теперь кукла Василиса — больше чем игрушка. Она умеет двигаться, слышать мысли леса и даже говорить. После смерти тёти кукла попадает к двум сёстрам — Тане и Жене. Девочкам предстоит научиться хранить необычный секрет и понять, какие невероятные чудеса и знания она хранит.

© Бутаков В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вячеслав Бутаков

Кукла на двоих

Глава 1

Знакомство

В небольшом доме на окраине города, в одной из комнат, стоял старый сундук. В него смотрели две сестры — Женя и Таня.

После того как их эксцентричная тётя ушла из этого мира, сёстры получили в наследство старинную куклу из пыльного сундука.

— Зачем она нам? — спросила Женя у мамы. — Она же такая уродливая. Выкинь её.

— Не надо! Мне она нравится, — сказала её сестра Таня. — В ней ощущается какая-то таинственность.

— Да ну тебя. Какая тайна? Она с прошлого века — вот и вся тайна.

Женя брезгливо поморщилась и отошла к окну.

— Мам, ну скажи ей, что это ненужный хлам.

— Не спорьте, девочки, — ответила мама, вытирая руки о фартук. — Кукла действительно старая, но тётя Надя очень просила её не выбрасывать. Говорила, чтобы отдали эту куклу детям. Мол, она им пригодится.

— Что за чушь? — ответила Женя. — Не понимаю, как она может нам пригодиться.

Таня бережно взяла куклу с пыльного сундука. Та была мягкой, но плотной. Таня держала куклу осторожно, как какую-то драгоценность, как живую.

— И что ты в ней нашла? — фыркнула Женя, подходя ближе и заглядывая кукле в глаза. — Страшилище какое-то.

— Зато глаза добрые, — тихо ответила Таня.

— Знаете, — сказала мама, — что-то сейчас вспомнилось. Тётя Надя всегда повторяла: «Эта кукла знает больше, чем люди». Я в те моменты смеялась. А теперь смотрю на неё и тоже ощущаю какую-то таинственность. Жень, приглядишься ей в глаза. Тебе так не кажется?

— Нет, не кажется, — ответила Женя и скрестила руки на груди — такой позой она решительно показывала, что мама и сестра, вы не правы!

Тане в тот момент было четырнадцать лет, а Женя была младше на два года — ей было двенадцать. Они были родными сёстрами. Иногда у них случались разногласия, но в основном они жили дружно.

Жили они, как уже было сказано, в небольшом доме на окраине города. Три комнаты, небольшой огород. Лес начинался в двухстах метрах от них — почти как в деревне, но не совсем. А ещё на участке был колодец, которому завидовали соседи: колодезная вода сейчас редкость.

Что можно сказать о родителях? Папа был на пенсии и любил рыбалку. Кстати, сейчас он был на ней — уже второй день пытался что-нибудь поймать. А мама раньше тоже работала, но это было до появления дочек, а после стала домохозяйкой.

Жизнь текла размеренно. У сестёр в тот момент были летние каникулы, в школу им не надо, у них был отдых: на часах — середина июня. И с появлением куклы, в доме настроение как-то изменилось. Сначала никто не придавал этому значения, но уже через несколько дней Таня стала замечать необъяснимое: кукла начала двигать глазами. Оставишь её с глазами в одном направлении — вернёшься, а они уже в другом. Мистика какая-то!

И это не всё! Как-то Таня поставила её на подоконник утром, а вечером кукла оказалась на кровати. Женя отмахивалась, что не трогала её.

А следующей ночью Женя проснулась от странного звука. Из зала слышались тихие шажочки. «Показалось», — подумала она, закрыла глаза и уснула.

Утром кукла сидела в кресле возле её кровати.

Женя закричала.

Прибежали Таня и мама. Женя, бледная, ткнула пальцем в куклу.

— Она сама! Она сама в кресло залезла! Она же на стуле была. Как она там оказалась?

Таня, это ты её специально подложила?

— Я спала, — но в глазах Тани мелькнул ужас.

Мама взяла куклу в руки, осмотрела, покачала головой:

— Да нет, батареек вроде нет. Ты, наверное, ночью её переложила и не помнишь?

— Не знаю, — Женя задумалась, вспомнила звук ночных шажочков, и её глаза стали ещё больше.

Она вцепилась в одеяло и прошептала:

— Я слышала шаги ночью! Маленькие, частые. Она сама ходила, мама!

Мама нахмурилась, но всё ещё пыталась сохранять спокойствие:

— Женя, перестань, не носи чушь. Не выдумывай.

— Нет! — закричала Женя. — Я не брала её в руки! Откуда она здесь?

Таня молчала. Она стояла в дверях, прижимая руки к груди, и смотрела на куклу. Та сидела в кресле, и её стеклянные глаза блестели в утреннем свете. Выглядело это, мягко скажем, жутковато. Теперь обеим девочкам стало страшно.

— Мам, — тихо сказала Таня, — может, тётя Надя правду говорила? Эта кукла знает больше, чем люди?

— Всё это глупости. Всё, заканчиваем рпзговоры. Сейчас позавтракаем, а потом идите в лес, земляники соберите, заодно отвлечётесь. А я этой кукле, пока вы ходите, глаза промою, чтобы больше не пугала вас.

Завтрак прошёл тихо. Женя всё поглядывала на дверь в комнату — не выйдет ли кукла оттуда сама. А Таня — в окно, чтобы поскорее уйти в лес.

Лес встретил их привычной тишиной. Высокие сосны плохо пропускали свет и ветер. Таня шла впереди, Женя — немного позади, хмурая и всё ещё взвинченная после утреннего события.

— Ну и зачем мы сюда попёрлись? — буркнула Женя, пиная шишки по пути. — Сидели бы дома.

— Мама сказала отвлечься, — спокойно ответила Таня. — И потом, землянику надо собрать. Из неё же вкусное варенье получится.

— Ага, варенье. Нам сейчас только про него и думать, когда у нас кукла по дому расхаживает, неизвестного происхождения. С этой куклой вообще ничего непонятно. Я её боюсь, Тань. Честно.

Таня ничего не ответила. Она шла с небольшой корзинкой для ягод и старалась не показывать своего страха, хотя внутри всё сжималось. «Кукла двигалась — это же ненормально, как это возможно?» — думала Таня по дороге. «Это не просто показалось, это взаправду».

Они вышли на небольшую полянку, где прошлым летом собрали много земляники с мамой. В этом году ягода тоже уродилась — мелкая, но сладкая. Сёстры молча разошлись в разные стороны и начали сбор.

Вдруг Таня замерла. Ей показалось, что за ближайшим пнём что-то шевельнулось. «Что это?» Она осторожно обошла трухлявый пень и обомлела.

На пне, поджав тряпичные ноги, в расслабленной позе сидела кукла. Та самая. Кукла из их дома. Она сидела ровно, спинка прямая, будто живая, и её голова начала поворачиваться влево, рассматривая испуганную Таню.

— Жень! Иди сюда! — испуганно позвала Таня.

Женя подбежала, замерла в полушаге и побелела.

— Как она здесь оказалась? — прошептала Женя.

— Это не главное. Она сейчас повернула головой и смотрит на нас.

Сёстры стояли, не в силах пошевелиться. Кукла молчала. Но её стеклянные глаза под лучами утреннего солнца блестели, и она смотрела на них с каким-то озорством, будто изучала, как девочки поведут себя в такой ситуации. Смотрела на них, и с каждой секундой казалось, что она глядит всё глубже и осмысленнее.

— Надо бежать, — выдохнула Женя, хватая Таню за руку.

Но в этот самый миг раздался тихий, чуть скрипучий голосок — тонкий, как комариный писк, но удивительно чёткий:

— Не бойтесь. Я добрая. Я вас не обижу.

Сёстры вздрогнули. Таня инстинктивно прижалась к Жене, Женя — к Тане.

— Я хочу с вами познакомиться.

Женя попяtilась, готовая в любую секунду сорваться с места и бежать. Но Таня стояла как вкопанная.

Кукла заметила этот страх. Голос зазвучал снова:

— Пожалуйста, не уходите. Я знаю, вы испуганы. Но я не сделаю вам ничего плохого.

Женя замерла.

— Ты... ты правда говоришь?

— Правда. Но если кто-то ещё мой голос услышит, то меня увезут в лабораторию на опыты, и вы меня больше не увидите. Пусть это будет нашей тайной.

Таня медленно присела на корточки, оказавшись с куклой на одном уровне.

— Кто ты?

— Я Василиса. Так меня назвала ваша тётя Надя. Мы с ней много лет прожили вместе. Я её знала ещё с детства, а теперь перешла к вам. Она обещала, что после своего ухода передаст меня вам. Так и случилось.

— А почему ты раньше не говорила? — спросила Женя. Она всё ещё стояла на расстоянии, но уже не бежала.

— Я к вам присматривалась. Думала, как подобрать момент, чтобы вы не запаниковали и не убежали от меня. Мне вас нужно было подготовить. Сначала я показала маленькие шажочки — вернее, их звук ночью, затем передвижения с места на место, меняла направление взгляда. Это чтобы вы привыкли, что я не простая.

— Мы не привыкли! — выпалила Женя. — Мы перепугались!

— Но вы не убежали. И не закричали. И пришли в лес. И нашли меня здесь. А если бы я сразу заговорила у вас дома, при маме? Что бы она сделала? Выкинула меня в помойку или, ещё хуже, сожгла бы как какого-нибудь демона?

Таня обернулась на сестру. Женя нахмурилась, но ничего не сказала. Потому что понимала — мама и правда со страху сделала бы что-нибудь такое.

— И что теперь? — спросила Таня, снова глядя на куклу.

— А теперь давайте знакомиться по-настоящему. Я расскажу о себе, а вы — о себе. Я не буду пугать. Не буду ходить по ночам. Не буду внезапно появляться там, где вы меня не ждёте.

— И ты... правда живая? — тихо спросила Женя.

— Наверное, да. Я не дышу, но у меня тоже есть сердце, а с ним я всё чувствую, как и вы: любовь, страх, ненависть. Только оно не бьётся, как обычно у людей. И я не старею.

— Сколько же тебе лет? — спросила Таня.

— Много. Очень много. Настолько много, что помню, как здесь было другое поселение, до постройки вашего города. Мою душу вселил в куклу один колдун, и вот теперь я так и живу. За это долгое время я научилась видеть то, что другие не замечают. Слышать мысли леса. Понимать язык ветра и воды. Ваша тётя Надя тоже сначала боялась, но потом мы подружились. Я могу и вас этим знаниям обучить.

Женя и Таня переглянулись. Страх ещё не ушёл до конца, но внутри уже зарождалось любопытство.

— И что мы должны сделать? — осторожно спросила Таня.

— Всего одно, — мягко ответила Василиса. — Никому не рассказывать обо мне. Ни маме, ни папе, ни кому-то ещё. Если есть подруги — им тоже доверять нельзя. Иначе мне придётся бежать от вас, а вас сочтут сумасшедшими. Договорились?

Сёстры снова переглянулись. Женя первая кивнула. За ней — Таня.

— Договорились, — сказали они шёпотом, будто в лесу кто-то мог их подслушивать.

Василиса спрыгнула с пня — мягко, почти бесшумно — и подошла к ним. Она была маленькой, едва доставая до колена, но в её осанке чувствовалась решительность.

Таня присела перед ней на корточки и спросила:

— Василиса, а как ты вообще в лесу оказалась? Мама же сказала, что она тебе глаза вымоет.

— Да нет, она пошутила про глаза. Она на кухню пошла и чем-то начала с интересом заниматься. Ну я и сбежала, поняла, что у неё дел много накопилось.

— И прибежав сюда, ты совсем не устала? — Таня взяла её на руки.

— Я же не человек, — мягко ответила Василиса. — Ткань не устаёт. Зато я теперь счастлива, что вы меня не боитесь и, наверное, не бросите.

Она посмотрела на сестёр тёплым взглядом и добавила:

— Помните: мои слова. Ни маме, ни папе, ни подружкам. Это наш секрет.

— Наш секрет, — шёпотом повторили девочки.

— А теперь идёмте домой, — сказала Василиса. — Только положите меня в корзинку с ягодами. По дороге я вам ещё что-нибудь интересненькое расскажу.

Таня осторожно уложила куклу в корзинку, присыпав сверху горстью свежей земляники. Женя стояла рядом, кусая губы, не веря в происходящее.

— Идёмте, — шепнула Таня, беря сестру за руку. — Только веди себя как обычно. Не оглядывайся всё время на корзинку — иначе будет выглядеть подозрительно.

— Я постараюсь, — ответила Женя.

Лесная тропинка тянулась обратно к дому. Солнце уже поднялось выше. Они спокойно шли назад.

Идя по тропинке, Василиса чуть выглянула из-под ягод и заговорила первой:

— Знаете, что сделала ваша тётя, когда я первый раз подала голос?

— Что? — почти одновременно спросили сёстры.

— Сначала упала в обморок, а затем отдала меня в будку Шарику. — В голосе куклы прозвучал смешок. — Целый день я просидела в будке с этим псом. Тот, кстати, понял, что я не простая, и не стал меня кусать. Собаки вообще лучше чувствуют.

Женя невольно хихикнула. Напряжение чуть отпустило.

— А потом? — спросила Таня.

— А потом она грозила меня сжечь, если я хоть раз пикну. Полночи не спала, ходила вокруг меня с кочергой. Так мы молчали два дня, а на третий она сама попросила: «Ну, скажи хоть слово, ну пожалуйста. Что тебе стоит?» Пришлось опять заговорить. Так мы и подружились.

— А сколько вы вместе прожили?

— Почти сорок лет. Она меняла дома, друзей, а я всегда была с ней. Даже когда она болела, я лежала рядом на подушке и успокаивала её. Она говорила, что ей со мной хорошо.

— А почему она не завела свою семью? — спросила Женя.

— Она боялась, что кто-то раскроет мой секрет. Я обрекла её на одиночество, я в этом виновата. Она доверяла только своей сестре — иногда рассказывала обо мне. Но потом та ушла, и тётя Надя осталась одна. А вашей маме она не рассказала — наверное, не доверяла. И знаете, она ни разу не пожалела, что прожила жизнь со мной. Мы с ней смотрели звёзды, гадали по травам. Я подсказывала, когда будет дождь, а когда заморозки. Она меня берегла. И я её.

Сёстры переглянулись. В словах Василисы чувствовалась настоящая привязанность и любовь.

— А нас ты будешь беречь? — робко спросила Женя.

— Больше, чем вы можете представить. Но и вы обещайте, что не расскажете никому. Ни маме, ни подругам.

— Обещаем, — сказали девочки почти хором.

Тропинка вывела к огороду. За забором виднелся их дом. На крыльце стояла мама и вглядывалась в сторону леса.

— Ну наконец-то! — крикнула она. — Я думала, вы там заблудились. Много собрали?

— Нормально, — ответила Таня, прикрывая корзинку сверху листом лопуха. — Завтра, может, ещё пойдём, если погода будет хорошая.

— Идите есть блинчики, пока горячие.

Сёстры прошли в дом, стараясь не смотреть на пустое кресло, где утром сидела кукла. В комнате было тихо. Таня аккуратно поставила корзинку на подоконник, затем подмигнула Василисе, и та скользнула из корзинки на кресло.

Сёстры переглянулись. В комнату потянуло запахом блинов.

На кухне мама раскладывала блины по тарелкам. Папа сидел за столом — он вернулся с рыбалки — и изредка поглядывал в окно.

— Чего такие бледные? — спросил он. — В лесу кого-то встретили?

— Никого, — быстро ответила Женя и тут же пожалела: ответ прозвучал слишком резко, будто они действительно кого-то встретили.

— Землянику мы там встретили, — поправила Таня, садясь за стол. — Земляника в этом году мелкая, но сладкая. Завтра ещё хотим сходить.

— Сходите, — мама поставила перед ними тарелку со сметаной. — А куклу я вашу в сундук уберу.

— Не надо! — выпалила Женя.

Таня под столом наступила ей на ногу.

— Не надо! — продолжила Женя. — Она же тёти Нади. Пусть лежит, где лежала.

Мама удивлённо подняла бровь, посмотрела на дочерей, но спорить не стала.

— Ладно. Как хотите. Но если она опять вас перепугает — я её тут же уберу.

— А что случилось? — спросил папа у мамы.

— Да утром Жене показалось, будто кукла сама передвинулась с места на место. Мол, ночью перешла со стула на кресло. Наверное, сама ночью переложила и не помнит.

— Ну да, такое бывает. Помню, в детстве из одной кровати в другую перелёг и не помню. Лунатил, наверное. Это ещё в лагере было. Потом некоторое время смеялись надо мной из моего отряда. Больше такого со мной не случилось.

Папа усмехнулся своим воспоминаниям и потянулся за очередным блином.

— Вот и у вас, девчонки, всё будет нормально. Один случай не будем считать. Кукла есть кукла. Старая, тряпичная. Просто вы таких раньше не видели, вот и реакция такая случилась. Привыкнете.

Завтрак закончился быстро. Папа ушёл во двор к своим снастям, мама принялась мыть посуду, а сёстры отправились в свою комнату.

Там их на кресле ждала Василиса, но теперь в более расслабленной позе. Одна нога свешивалась через подлокотник, руки были сложены на коленях. Глаза блестели в лучах солнца, падавших из окна.

— Ну что? — тихонько спросила Василиса. — Пронесло? Тайна будет жить?

— Да, — выдохнула Таня, закрывая за собой дверь. — Мама хотела убрать тебя в сундук, но Женья попросила, чтобы она этого не делала.

— Я слышала. У меня слух хороший. Спасибо, что вступилась.

— А ты вообще всё время нас слушаешь? — спросила Женья, усаживаясь на кровать и поджав под себя ноги.

— Не всегда, — честно ответила Василиса. — То, что не касается моей безопасности и теперь вашей, я не слушаю. Я стараюсь давать личное пространство.

— И что, ты правда умнее людей? — спросила Таня.

— Не умнее, — покачала головой Василиса. — А мудрее. Я вижу то, чего люди не замечают. Слышу то, на что они внимания не обращают. За много лет я научилась наблюдать. Но глупости я тоже иногда совершала. Хотите, расскажу смешной случай?

Таня кивнула, пододвигаясь ближе. Женья тоже невольно подала вперёд.

— Однажды, — начала Василиса, — я решила напугать Надину соседку. Та обижала бездомных кошек. Ну я и дождалась ночи, вылезла на её подоконник и давай тихонько стучать по стеклу. Соседка высунулась посмотреть — а я сижу такая и говорю: «Не трогай кошек, иначе пожалеешь!» Да таким низким голосом, чтобы наверняка до неё дошло. Ну она как заорёт — на всю улицу.

— И что было дальше? — выдохнула Женья.

— А то, что тётя Надя полгода ни с кем не общалась, да и здоровалась через раз. Соседка перестала кошек обижать, но какой ценой ей это понимание досталось.

Девочки переглянулись и одновременно хихикнули.

В комнате повисла какая-то уютная тишина, но не пугающая. Женья поднялась с кровати, подошла к креслу и осторожно дотронулась до руки куклы Василисы.

— А тебе не больно, когда тебя роняют?

— Мне не больно, — мягко ответила Василиса. — Но мне бывает грустно. Когда меня закрывают в чулане. Вы не представляете, сколько лет я пролежала так в одном старом чулане после того, как умерла одна девочка... Её мать так горевала, что не могла на меня смотреть. Я её понимала. Но всё равно было обидно.

— А что стало с той девочкой? — тихо спросила Таня.

— Она заболела, а таблеток в то время не было. Это было очень давно. Тогда врачи не умели такие болезни лечить. А народными способами у меня не получилось ей помочь. Я сидела рядом с ней до последнего. Держала за руку. Она прошептала перед смертью: «Пожалуйста, не уходи». Я и не ушла. Осталась в той семье. А потом меня передали дальше. Так и кочую из дома в дом, уже не помню сколько лет.

У Тани защипало в глазах. Она отвернулась к окну, делая вид, что разглядывает облака. Женья шмыгнула носом и спросила:

— А ты можешь плакать?

— Могу, — просто ответила Василиса. — Но я пытаюсь быть сильной. Когда мне больно, я стараюсь не показывать, что тоже слаба, чтобы, глядя на моё лицо, на мою стойкость, вдохновлялись этим и продолжали жить дальше.

Она помолчала, потом добавила:

— Я рада, что вы меня не боитесь. И что не кричите. Вы хорошие девочки. Спасибо вам, что открылись мне.

— Ну всё, хватит слёз. А сейчас идите во двор, пока вас не хватились. А вечером, когда стемнеет, я вам покажу сюрприз.

— Что? — хором спросили сёстры.

— Сюрприз, — загадочно ответила кукла. — Вы такого точно никогда не видели.

Таня взяла Женю за руку и потянула к двери.

— Идём, — шепнула она. — Мама правда скоро придёт проверять.

— Только ведите себя естественно, — напоследок сказала Василиса. — Ведите себя так, будто ничего не случилось. Запомните: вы храните самую важную тайну, о которой никто не должен знать.

Сёстры вышли во двор. Солнце стояло высоко, пахло скошенной травой. Папа возился со своими рыболовными игрушками у сарая, а мама полола грядки.

Глава 2

Первый секрет

— Мам, можно помочь? — спросила Женя, хотя на прополку её обычно было не затащить.

— Не «можно», а «нужно», — обрадованно ответила мама, выпрямляя спину. — Только не здесь, а вон там. У забора много крапивы разрослось. Только перчатки надеть не забудьте.

Сёстры взяли перчатки и пошли к забору. Некоторое время работали молча, переглядываясь между собой. Затем снова заговорила Женя:

— Тань, а может, маме всё-таки сказать?

— Что сказать? — Таня вырвала особо крупный репей и отбросила в сторону. — Что кукла живая? Что она с нами разговаривала в лесу? Ты представляешь её реакцию? Ты с ума сошла? У Василисы опыт, она лучше знает, кому и что говорить.

— Но мама же не злая, — растерянно ответила Женя.

— Она не злая, она практичная. Она отдаст Василису в какой-нибудь институт или в печке сожжёт.

— Ладно, — сдалась Женя. — Молчим. Но это тяжело.

— Тёте Наде тоже было тяжело. И ничего, всю жизнь с этим прожила, а нас уже двое, кто об этом знает! Ты и я. И вообще, не забудь про сюрприз вечером от Василисы, а ты её хочешь сдать.

— Ну ладно, ладно, Тань, больше не буду об этом говорить.

— Вот и молчи! — добавила Таня.

После прополки они помыли руки и зашли в комнату.

Василиса сидела на подоконнике, поджав под себя ноги, и смотрела в окно. Услышав шаги, она повернула голову и хитро прищурилась.

— Ну что, готовы к сюрпризу? — спросила она тихо, чтобы никто её больше не услышал, хотя мама и папа были на улице.

— А что за сюрприз? — Женя быстро подбежала к ней. — Можно хоть намекнуть?

— Нельзя, — Василиса покачала головой. — Иначе это будет уже не сюрприз. Потерпите немного. До вечера осталось совсем чуть-чуть, солнце скоро сядет — и всё увидите.

Таня легла на кровать, закинув руки за голову, и уставилась в потолок.

— Что же это может быть? — задумалась она с улыбкой.

— Василиса, а ты умеешь летать? — спросила она вдруг.

— Летать? Нет, конечно, не умею. Я же не птица какая-нибудь, у меня крыльев нет. Меня как-то швыряли несколько раз со всего размаху, но я так и не научилась летать, — хихикнула Василиса. — Но могу прыгать высоко и почти бесшумно.

Женя хихикнула и села рядом с Василисой на подоконник.

— А покажи!

— Покажу, но не сейчас. Сначала сюрприз надо вам показать.

Сёстры заулыбались. С куклой было легко и интересно, глаза Василисы смотрели тепло и по-доброму, и девочки отвечали тем же.

Вечер не заставил себя ждать, он наступил легко и быстро. Мама позвала ужинать. Папа уже сидел за столом, перебирая в уме снасти, которые надо взять на следующую рыбалку.

— Завтра опять пойду, — объявил он. — В этот раз поймаю покрупнее.

— Ты всегда так говоришь, — усмехнулась мама, ставя на стол жареную картошку с укропом.

— Не-не, в этот раз точно, я чувствую: завтра клёв пойдёт, — уверенно ответил папа и подмигнул девочкам.

Женя и Таня переглянулись. Им казалось, что всё вокруг происходит как обычно, а у них внутри — целая тайна, от которой иногда распирает рассказать, поделиться.

После ужина они помыли посуду и под предлогом «посидеть во дворе, пока не стемнело» вышли на улицу. Таня взяла Василису на руки, и вместе с Женей вышли во двор.

— Идёмте в лес, — прошептала она. — Там, на поляне, я вам кое-что покажу.

— Сейчас? Темнеет же, — испугалась Женя.

— Так задумано, — ответила Василиса. — Не бойтесь, то, что я хочу вам показать, нужно смотреть в сумерках.

Сёстры взяли за руки. Таня подхватила куклу, и они втроём двинулись к калитке.

Лес встретил их тишиной и вечерней прохладой. Солнце почти село, меж сосен пробивался сиреневый свет. Таня по-прежнему несла на руках Василису.

— А теперь положи меня на землю и отойди, — попросила кукла, когда они подошли к знакомой полянке. — Дальше я сама.

Таня опустила её на траву и сделала шаг назад, к Жене. Сёстры замерли.

Василиса постояла несколько секунд, закрыла свои маленькие кукольные глаза и стала неподвижной. А затем подняла свои тряпичные руки и громко сказала:

— Покажитесь.

Сначала ничего не произошло. Только ветер чуть сильнее прошёлся по верхушкам сосен. А потом девочки увидели.

Из-за ближайшего ствола выглянул ребёнок. Маленький, размером с ладошку, но совершенно похожий на человеческого. У него были крошечные ручки и ножки, круглое личико и огромные светящиеся глаза, которые светились изнутри мягким золотистым светом.

— Кто это? — спросила Женя.

— Души, — спокойно ответила Василиса. — Они всегда здесь. Просто вы их раньше не видели, а с помощью меня теперь увидите. В каждом дереве, в каждой травинке есть своя душа.

Из-за второй сосны вышла ещё одна — девочка с длинными светлыми волосами, а из-за берёзы — третий, мальчишка с озорными зелёными глазами. Из-за старого пня, покрытого мхом, выбрался ещё один. С разных сторон вышло ещё много всяких разных. Они были ростом примерно от пяти до пятнадцати сантиметров. Одеты кто во что — кто в кору, кто в листья. Одни ходили по земле, другие сидели на ветках и свешивали ножки, наблюдая за сёстрами.

— Они живые? — прошептала Таня, боясь пошевелиться.

— Конечно! Живее некуда, — ответила Василиса. — То, что вы сейчас видите, — это души, принявшие облик детей. Они редко показываются людям. Только когда их сильно попросишь.

Маленьких человечков становилось всё больше и больше. Вся поляна наполнилась светящимися фигурками. Они бегали между ног, играли друг с другом, забирались на пни, прыгали с них, качались на травинках, свешивались с веток.

Затем Василиса встала ровно, поклонилась на каждую из четырёх сторон, где они были, и маленькие человечки начали медленно расходиться. Кто — обратно в деревья, кто — прямо в землю, кто — растворился в воздухе. Они улыбались на прощание, махали крошечными ручками.

Поляна опустела. Только вечерний ветерок качал траву. Всё закончилось.

Женя и Таня стояли заворожённые, не в силах вымолвить ни слова. Они смотрели на то место, где только что кипела жизнь, — и теперь там никого. Ни одного человечка, только стволы сосен да сиреневое небо, проступавшее сквозь кроны.

Василиса опустила руки и повернулась к сёстрам.

— Ну как? Понравилось?

— Это было... — Таня запнулась. — Невероятно. Они настоящие? Они правда живут здесь?

— Правда, — кивнула Василиса. — И не только здесь, в лесу. Они в любом другом лесу, в любом парке, даже в вашем огороде. Просто вы их не видите. Они не любят показываться людям, люди почему-то пугаются.

— А почему они слушаются тебя? — спросила Женя, приседая рядом с куклой.

— Потому что я давно здесь, и они меня хорошо знают, и они мои друзья. Я с ними иногда разговариваю, когда мне скучно.

Таня протянула руку и осторожно дотронулась до травы на том месте, где только что сидел маленький мальчик с зелёными глазками. Трава была тёплой.

— А они ещё придут? — спросила она.

— Если вы будете приходить сюда с добрым сердцем, то возможно. Они придут к вам через какое-то время, когда начнут вам доверять, — ответила Василиса. — Но не требуйте от них этого, не зовите их насильно. Они сами решат, показываться им или нет. Они чувствуют лучше, чем обычные люди, намного тоньше. Сегодня они вышли, потому что я попросила. Они доверились мне, а я доверилась вам.

Василиса замолчала. Посмотрела на сестёр, потом на небо.

— Так, всё, — сказала она. — Надо возвращаться домой, а то совсем потеряют.

— Но... — начала Таня.

— Никаких «но», — перебила кукла. — Мама с папой будут волноваться. Надо идти.

Таня взяла Василису на руки, и они пошли назад по тропинке.

Всю дорогу никто не проронил ни слова. Только у самой калитки Василиса сказала:

— И запомните: никому ни слова. Это наш секрет.

Женя и Таня кивнули.

Дома уже горел свет. Сёстры переступили порог и сразу почувствовали аромат свежей сдобы — мама, пока их не было, испекла с маком плюшки.

— Ну наконец-то! — сказала мама, вытирая руки о фартук. — Где вы там лазеете? Быстро за стол, чай остывает.

Сёстры сели за стол, стараясь не смотреть друг на друга, чтобы случайно не улыбнуться и не хихикнуть. Приключение закончилось. Но тайна только начиналась.

За чаем мама внимательно посмотрела на дочерей.

— Вы какие-то странные. То из лесу пришли задумчивые, то во дворе сидели до темноты. Прямо как будто секрет какой-то нашли.

— Нет! Что ты? Какой секрет? — слишком быстро ответила Женя и тут же уткнулась в кружку.

Таня легонько толкнула её ногой под столом.

— Просто земляники много было, — спокойно сказала Таня. — Там целая россыпь. Мы, наверное, завтра ещё сходим.

— Ну-ну, — мама чуть прищурилась, но пытаться их не стала. — Только не ходите далеко в лес, а то потеряетесь.

Папа доел плюшку, отодвинул тарелку и довольно вздохнул:

— Молодцы, что не сидите взаперти. Лето короткое, надо успеть нагуляться. А я завтра на рыбалку. Я чувствую, что поймаю щуку килограммов на пять, ну или на два хотя бы!

— Ты всегда так говоришь, — улыбнулась мама. — Ладно, посмотрим.

После ужина сёстры помыли посуду. Сделали они это быстро, почти молча, только изредка перебрасываясь короткими фразами. Обе думали о том, как там Василиса.

Когда кухонные дела были сделаны, они чинно пожелали родителям спокойной ночи и отправились к себе.

Василиса сидела всё там же, на подоконнике, в той же позе, что и вечером. Но, увидев девочек, прыгнула вниз и подошла к ним.

— Ну как? — спросила она. — Не проболтались? А то я волнуюсь.

— Нет, что ты! — Женя присела на корточки, чтобы быть с куклой на одном уровне. — Мы эту тайну никому не расскажем, как и договаривались, если только ты сама вдруг не захочешь.

— Молодцы, — Василиса одобрительно кивнула. — Так держать!

— А теперь ложитесь спать. Завтра будет новый день. А я вас посторожу. Буду сторожить ваш сон, а если кто-нибудь из взрослых зайдёт, я сделаю вид, что я просто кукла. У меня это хорошо получается.

— Ты правда не спишь? — спросила Женя, забираясь под одеяло.

— Мне не нужен сон, — ответила Василиса. — Я иногда закрываю глаза, но для того, чтобы вспоминать о прошлом. Пока вы будете спать, я посижу на подоконнике. Мне нравится смотреть на ночное небо.

Таня погасила настольную лампу. Комната погрузилась в темноту, только из окна пробивался лунный свет.

— Василиса, — тихо позвала Таня уже с кровати. — А ты боишься темноты?

— Нет! Чего её бояться? Темнота — это не то, чего стоит бояться. Бояться надо того, какие гадости люди делают при свете дня. А темнота просто молчит.

— Спокойной ночи, Василиса, — прошептала Женя.

— Спокойной ночи, девочки. Спите.

Сёстры замолчали.

Таня долго не могла уснуть. Она смотрела на куклу и думала. О том, как много тайн та хранит в своём мире.

«Почему мы? — подумала Таня. — Почему тётя Надя решила отдать нам Василису?»

Она хотела спросить об этом Василису, но не стала, передумала. Василиса сидела неподвижно на подоконнике и смотрела на далёкие звёзды. «Наверное, хочет попасть к ним», — подумала Таня.

«Завтра, — решила Таня. — Завтра я спрошу, почему тётя Надя выбрала нас».

Она перевернулась на другой бок, подоткнула одеяло и закрыла глаза. Сон пришёл быстро — глубокий и спокойный. Усталый день взял своё.

Женя тоже уснула быстро. Только иногда во сне вздрагивала и что-то бормотала — может, общалась с теми человечками в лесу, кто его знает.

Василиса сидела на подоконнике и смотрела на луну.

— Спите, девочки, — прошептала она едва слышно. — Впереди у нас много времени. Я вам многое покажу и многому научу. Спите.

Она замолчала, и в комнате стало совсем тихо. Только сверчок за окном вёл свою ночную песню.

Глава 3

Что скрывает река

Утро началось с грохота. Папа собирался на рыбалку так, будто готовился к военному походу. Он гремел вёдрами, перебирал удочки, что-то бормотал себе под нос.

— Ну где мои черви? Ах, вот они! А термос? Ага, нашёл!

Женя приоткрыла один глаз, затем второй. Солнце уже начинало вставать. Василиса сидела на подоконнике в той же позе, что и вечером, и смотрела на улицу. Увидев, что Женя проснулась, кукла подмигнула ей.

Таня заворочалась. Спросонья она не поняла, где находится, но голос папы из коридора привёл её в чувства.

— Девчонки! — закричал он, заглядывая в комнату. — Хватит валяться! На рыбалку не желаете сходить?

— Куда? — сонно спросила Женя.

— Как куда? На рыбалку! Берите удочки — я вас научу, как надо ловить. А то за земляничкой да за грибами... Рыба — это совсем другое дело. Ну что, идём?

Таня приподнялась на локте и посмотрела на Василису. Кукла слегка улыбнулась и кивнула, словно сказала: «Давайте, прогуляйтесь!»

— А можно Василису с собой взять? — спросила Таня.

Папа удивился:

— Конечно можно. И кота Барсика можете взять с собой, хотя нет, кота не надо, а то он всю рыбу съест.

Барсик был в доме редким гостем — всё где-то гулял, пока лето.

— Ладно, берите свою куклу и через двадцать минут выходим.

После этих слов он скрылся в коридоре и опять начал шуметь и что-то искать.

Сёстры мигом соскочили с кроватей, натянули обе джинсы. Таня схватила с подоконника Василису и прошептала:

— Ты слышала? Мы берём тебя с собой. Ты же не против?

— Конечно не против. Я давно не рыбачила. Главное, в воду меня не бросайте, а то я плавать не умею.

— Быстрее, девчонки! — донёсся из кухни папин голос. — А то без вас уйду!

— Идём, идём! — крикнула Таня.

Она сунула Василису в небольшую холщовую сумку, оставив снаружи только голову, чтобы кукла могла смотреть по сторонам. Женя схватила две маленькие удочки, которые папа для них выделил, а Таня взяла ещё пакет с бутербродами, который мама торопливо только что собрала.

На крыльце их уже ждал папа. В высоких резиновых сапогах, с огромным рюкзаком за спиной и двумя удочками в руке он выглядел почти как рыбак с картинки.

— Отряд готов? Тогда вперёд! — скомандовал он и зашагал к калитке.

До реки было недалеко — всего полкилометра через поле, а потом вниз по тропинке рядом с берёзовой рощей. Женя шла впереди, размахивая удочками, Таня — немного позади, придерживая сумку с Василисой.

— Не тяжело? — тихо спросила Женя, оглядываясь на сестру.

— Нет, нормально. Она лёгкая, — так же тихо ответила Таня.

Спустя минут двадцать они пришли.

Папа выбрал место на берегу — небольшой песчаный пятёчек, где река делала плавный поворот. Глубина здесь была не слишком большая.

— Так, — сказал он, сбрасывая рюкзак. — Сейчас вы узнаете новый способ ловли. Вы так ещё не ловили. Смотрите сюда.

Он достал из рюкзака небольшую пластиковую коробку, открыл её и показал странные приманки — это были маленькие рыбки с выемкой на носу и двумя крючками на брюшке.

— Это поппер, — объяснил папа. — Ни червь, ни тесто, а поппер. Он идёт по самой поверхности, булькает, плюхается — щука такое любит. Щука слышит и сразу атакует. Думает, наверное, что кто-то в воде застрял и пытается поймать.

Он ловко привязал поппер к леске, повёл удилищем — приманка послушно запрыгала в воздухе, издавая чмокающие звуки.

— Видите? Как интересно.

Женя с любопытством разглядывала приманку. Ей сразу понравилось, что не надо ловить на скользких червей.

— А мы тоже так сможем? — спросила она.

— Конечно. Тут всё просто, — папа дал ей в руки спиннинг. — Сначала научитесь забрасывать, а потом вести и дёргать, но с паузами. Дёрнул — остановился, дёрнул — остановился. Смотрите, сейчас покажу.

Таня устроилась на траве, положила рядом сумку с Василисой. Та немножко выглядывала из неё. Таня начала пристально смотреть на папу. Рядом устроилась Женя.

Папа сделал первый заброс. Поппер плюхнулся на воду, повис на секунду, потом резко дёрнул — приманка коротко булькнула в воде и ушла в сторону, оставляя после себя круги. А потом надо сматывать катушку, но потихоньку, как бы крадёшься. Шаг — замерла. Шаг — замерла. Чтобы поппер булькал, но не убегал от рыбы. Можно назвать это игрой в прятки.

Женя кивнула. Теорию вроде поняла, теперь практика.

Папа помог Жене забросить приманку в воду. Та шлёпнулась не слишком удачно — прямо на середину плеса, где не было никаких коряг. А то в коряги попадёшь — пиши пропало, поппер может там и остаться.

— Ничего, — сказал он. — Первый блин комом. Так и должно быть. Вытаскивай и пробуй снова.

Женя начала крутить катушку, но ничего не происходило. Ни ударов, ни намёков на поклёвку.

Спустя пять минут Женя вынесла вердикт:

— Здесь пусто. Вся рыба ушла в другое место. Никого нет.

— Дай-ка я, — папа забросил сам, провёл приманку ровно, как по струне. И снова тишина. — Странно. Наверное, и правда ушла. Здесь обычно окунь стоит.

Таня опустила голову к сумке и прошептала:

— Видишь что-нибудь?

Василиса несколько секунд молчала. Её стеклянные глаза блестели. Она смотрела сквозь воду и медленно поворачивала голову, будто сканировала дно.

— Вон там попробуйте, — наконец сказала она шёпотом. — У старой коряги. Там щука лежит. Но она не возьмёт поппер — для неё это громко. Скажи папе, пусть блеснит. Пусть серебряную блесну возьмёт. И ведёт медленно, почти не дёргая.

Таня замаялась. Сказать отцу, как ему ловить? Сказать ему такие подробности — как-то неловко. Но она пересилила себя.

— Пап, — позвала она. — А если попробовать блесной? Вон той, маленькой, серебряной. Мне кажется, щука на глубине и она не хочет подниматься.

Папа удивлённо поднял бровь:

— Откуда такие познания?

— Просто... я где-то читала или слышала, не помню, — соврала Таня.

Отец пожал плечами, достал из коробки блесну, заменил её вместо поппера. Забросил в то самое место, куда показала Таня. Повёл медленно. Очень медленно.

И на третьей секунде — удар! Такой силы, что ощутился значительный вес, удилище сложилось дугой, а катушка завывала, сдавая леску.

— Есть! — закричал папа, и его голос разнёсся над рекой. — Есть! Теперь главное, чтоб не сорвалась. Большая!

Сёстры повскакивали с мест. Женя завизжала от восторга. Таня сжала сумку с Василисой так, что кукла чуть не пискнула.

Папа вытаскивал рыбу несколько минут. Щука шла тяжело. С приближением к берегу она сильнее рвалась на свободу. Ещё минута — и она забилась на песке, зелёно-золотистая, килограмма на три, не меньше.

— Ну, Таня, — выдохнул отец, — ты мой экстрасенс. Откуда ты знала?

— Не знаю, наверное, повезло, — улыбнулась Таня.

— Теперь твоя очередь, Женя. Давай, будем пробовать. Не бойся, теперь мы знаем, где она прячется. Я думаю, она там не одна.

Женя взяла спиннинг, прицелилась. Забросила — не очень далеко, но попала в нужную зону. Провела блесну медленно, как до этого проводил папа.

И... — тишина.

Ещё проводка. Опять тишина.

— Ничего, — расстроилась Женя. — Наверное, её тут больше нет. Испугалась и ушла.

— Не сдавайся, — подбодрил папа. — Если щука ушла, появится окунь.

Женя забросила в третий раз. И тут — удар! Мягкий, но резкий. Она подсекла, и из воды вылетел полосатый, играющий на солнце своими окрасками окунь.

— Поймала! — закричала она. — Ой, мамочки, поймала!

Окунь оказался граммов на триста. Для первого раза сойдёт. Жене даже можно выдать за неё первую медаль.

— Хороша! — похвалил папа. — Теперь у нас появилась первая рыбачка.

— Пап, а можно теперь я попробую? — неожиданно сказала Таня.

— Ого! — удивился папа. — А я думал, ты только наблюдать сюда пришла.

— Не, решила сначала посмотреть, как профессионалы работают, — улыбнулась Таня. — А теперь поняла, что тоже хочу им стать.

Папа вручил ей удилище. Женя села на траву рядом с сумкой и шепнула Василисе:

— Смотри, сейчас тоже будет пробовать.

Кукла немножко высунулась из сумки, и её стеклянные глаза направились в Танину сторону.

Таня забросила блесну. Не идеально, конечно, но всё же лучше, чем у Жени. Провела медленно, как учил мастер. Раз — пауза. Два — пауза.

— Ничего, — сказал папа. — Рыбалка любит терпеливых.

Таня забросила второй раз. И тут сразу же после падения блесны в воду пришёл удар — неожиданный и резкий. Такой сильный, словно кто-то дёрнул из воды рукой за леску.

— Есть! — крикнула Таня и в тот же момент испугалась собственного крика.

Удилище изогнулось дугой. Папа подскочил, но не стал выхватывать удочку из её рук — он придержал её за плечи, чтобы рыба не утянула Таню купаться.

— Тащи, медленно, не спеши, без резких движений, а то сорвётся.

Таня напряглась, упёрлась ногами в землю, но её всё равно затягивало в воду. Мокрый берег начал скользить под её ногами, и в эту секунду она с ужасом начала понимать, что рыбу она не вытянет, а скорее та затащит её в воду.

— Папа! — крикнула она. — Помоги!

Папа рванулся вперёд, перехватил удилище в свои руки и вцепился в неё как в родную. Леска загудела. Он упёрся коленом, поднажал — и в этот момент из воды что-то показалось.

Сначала Таня подумала, что это огромный хвост, но он изогнулся, и она увидела кожу. Такую гладкую, бледную, человеческую кожу, переходящую в чешую ниже пояса.

— Что это? — выдохнула Женя.

Папа не ответил. Он замер, уставившись в воду. Оцепенел, отпустил удилище — оно плюхнулось в воду и скрылось. Немного погодя сказал:

— Здесь же не водятся русалки... Откуда здесь...

Василиса тихо хихикнула в сумке и шёпотом сказала себе:

— Ещё как водятся.

Вода успокоилась. На том месте остались только круги, где только что плескалось что-то необъяснимое.

— Мне показалось, или я видел руку? — прошептал папа, не веря своим глазам.

Никто ему не ответил. Женя и Таня тоже смотрели на воду, а из сумки выглядывала Василиса и улыбалась — так, будто смеётся над ними.

— Надо уходить, — твёрдо сказал папа. — Быстро. Сейчас.

Он начал лихорадочно собирать снасти, пойманную рыбу, но руки дрожали и будто не слушались. Таня подбежала к нему:

— Пап, я помогу.

— Нет. Стой на месте. Это опасно. Не подходи к воде, мы не знаем, что там.

Женя прижалась к сестре. Ей было страшно, но ещё больше хотелось спросить Василису: «Ты знала, что это было? Ты же всё здесь знаешь?»

— Я всё объясню позже, — прошептала кукла из сумки так тихо, что только Женя и Таня слышали. — Не волнуйтесь, она не злая.

Сборы заняли меньше минуты. Папа запихал всё в рюкзак, взял удочки, и быстрым шагом все трое двинулись обратно к дому.

Всю дорогу никто не говорил, слышны были только звуки природы. Лишь один раз папа обернулся и посмотрел на реку, потом повернулся обратно и ускорил к дому шаг.

Дома их встретила мама на крыльце.

— Ого, что-то вы рано? — спросила она. — Наверное, всю рыбу переловили?

— Не совсем, — ответил папа.

— Что случилось?

— Ничего, — слишком быстро прозвучал ответ.

Он прошёл в дом, поставил рюкзак в прихожей и тяжело опустился на табуретку.

Мама перевела взгляд на девочек. Те стояли бледные, прижавшись друг к другу.

— Вы чего? — мама подошла ближе. — На вас лица нет. Что случилось? Я же вижу, что-то случилось.

— Устали, — выдавила из себя Таня. — Солнце напекло.

— И рыба почти не клевала, — добавила Женя, стараясь сбить волнение и страх, которые сидели у них в голове.

Мама не поверила. Она посмотрела на папу, нахмурилась, а тот сидел, уставившись в пол, и теребил край кепки.

— Ладно, — сказала мама. — Сами потом расскажете. Идите умойтесь. Я сейчас обед разогрею.

Сёстры шмыгнули в свою комнату и плотно закрыли за собой дверь.

Таня поставила сумку на кровать. Василиса из неё вылезла и села на подушку.

— Ну и что там произошло? — спросила Таня. — Это была русалка? Или ещё какое чудовище?

— Русалка, — спокойно ответила Василиса. — И я её знаю, она моя подруга.

— И не предупредила? — с большими глазами спросила Женя.

— А вы бы мне поверили? — Василиса склонила голову набок.

— Подумали бы, что ты шутишь, — признала Таня.

— Вот именно, — кивнула Василиса. — Вы бы ни за что не поверили, пока своими глазами не увидели. А так вы теперь точно знаете. И знайте: русалки не выдумка. Они живут в реках. Есть ещё лешие, они в лесах живут. Эту русалку зовут Лада. Она добрая, но ей бывает скучно и хочется пошалить.

Таня присела на край кровати.

— А папа? Он же видел её. Он теперь спать не будет.

— Сначала да, а потом забудет. Он убедит себя, что ему показалось. А вы тоже подыграйте ему: скажите, что и вам, наверное, показалось. Но сами не забывайте. Вы теперь знаете чуть больше, чем другие люди.

Женя вздохнула:

— Обманывать, значит?

— Да, но обман во благо, — добавила Василиса.

— А если не обманывать? — тихо спросила Женя. — Если рассказать ему всё честно? Папа же свой, он же поймёт.

Василиса посмотрела на неё долгим, тёплым взглядом.

— Я тебя понимаю, но поверь, я уже сталкивалась с этим. Я однажды пробовала, больше не хочу. Давно это было. Жила я в другой семье, и тот папа был добрый, любил дочку, меня он не трогал. А потом я решила ему открыться. Думала — он поймёт. Но нет. А знаешь, что случилось? Он испугался. Сначала хотел меня выбросить, потом сжечь. А потом просто запихал в чулан на чердаке и забыл. На двадцать лет меня там оставил, пока другие люди не нашли. Люди боятся того, чего не понимают. Даже хорошие люди.

Таня придвинулась ближе, взяла Василису за руку.

— А мы не испугались?

— Вы — нет. Наверное, потому что вы ещё дети. А может, потому что вы сёстры. Я не знаю. Но я благодарна вам за это.

В комнате повисла тишина. Только звук часов на стене был слышен: тик-так, тик-так.

— Ладно, — твёрдо сказала Женя. — Будем молчать. Но тогда у меня ещё один вопрос.

— Какой?

— Эта русалка — твоя подруга. Ты познакомишь нас с ней? Только без папы, конечно. А мы никому про неё не расскажем.

Василиса задумалась. Её стеклянные глаза блеснули.

— М-м-м, дайте подумать. Ладно, могу. Но для этого нам нужна ночь. Русалки днём прячутся, они любят лунный свет. В этом свете вы её как следует разглядите. Вы готовы на это?

Таня и Женя переглянулись. В их взглядах боролся страх с любопытством. Любопытство победило.

— Готовы, — сказали они почти одновременно.

Василиса кивнула.

— Тогда сегодня в полночь. Я разбужу вас. А сейчас ведите себя как обычно. Идите обедать, улыбайтесь, отвечайте маме с папой так, будто ничего не произошло. Он сейчас больше вас боится. Ему нужен какой-нибудь ответ на то, что он увидел, и этот ответ он пытается найти у себя в голове. А вы ему поможете. Скажете, что русалка ему показалась и их не существует. Они же только в сказках.

Сёстры вышли из комнаты. На кухне папа сидел за столом и ковырял вилкой картошку, не поднимая глаз. Мама хлопотала у плиты, изредка поглядывая на него с вопросительным взглядом.

— Пап, — Женя подошла и чмокнула его в щёку. — Спасибо за рыбалку. Почему ты не учитель? Из тебя бы самый лучший получился.

Папа поднял голову. В его глазах блеснул тёплый, почти детский взгляд.

— Пожалуйста, дочки, — он обнял её и Таню. — В следующий раз обязательно поймаем щуку. Опыт у нас уже есть. Мы обязательно поймаем — я чувствую.

Мама перевела взгляд на Таню. Та улыбнулась самой простой и беззаботной улыбкой, какую смогла изобразить.

— Мам, а что у нас на десерт? Плюшки там ещё остались?

— Остались, остались, — мама облегчённо выдохнула. — На несколько дней ещё остались, — хотя всё ещё не поверила им до конца. — Садитесь, сейчас чайник поставлю.

Ничего, время поможет родителям переключить мысли на что-то другое. Обязательно забудется.

За столом сёстры болтали о пустяках — рассказывали о своих наблюдениях на речке, о том, как красиво села на удочку стрекоза и покачивала хвостом, как громко квакали лягушки, будто у них было соревнование: кто громче квакнет, как папа смешно ругался, когда леска запутывалась. Папа постепенно оттаял, даже пошутил пару раз. Мама налила чай и достала плюшки.

И только тогда, когда все разошлись по своим делам — папа в свой гараж, мама в огород, сёстры в комнату, — Таня тихо спросила у Василисы, которая сидела на подоконнике и смотрела на облака:

— А Лада, она красивая или нет?

Кукла повернула голову в её сторону. Уголки тряпичного рта чуть приподнялись.

— Терпение, Таня, терпение! Ночью сама оценишь, потому что наши взгляды разные, мы по-разному красоту оцениваем. И ещё: не забудьте взять хлеб. Он ей нравится.

Вечер тянулся долго. Так долго, что казалось, время остановилось. Солнце, как специально, не хотело садиться. Женя то и дело подходила к окну, проверяя: не начинает ли там темнеть? Не пора ли нам собираться? А Таня делала вид, что читает книгу и на речку не торопится, читая книгу, глаза её скользили по строчкам, но смысл она не понимала.

Василиса сидела на подоконнике и тихонько напевала какую-то старинную мелодию, которую девочки раньше никогда не слышали.

— Не дёргайтесь, сидите ровно, — сказала она спокойно. — Ночь рано или поздно наступит, — улыбнувшись, сказала Василиса. — Луна взойдёт, и вы её увидите. Терпение, терпение!

— А если мы уснём? — спросила Женя, зевая.

— Я разбужу, не волнуйтесь. Лучше бы вам поспать перед этим, а то завтра весь день сонные будете ходить.

За ужином папа был молчаливым. Ковыряясь в своей тарелке, он иногда поглядывал на девочек, словно хотел что-то спросить, но каждый раз передумывал. Девочки это понимали, они чувствовали недосказанность. Мама пыталась поддерживать разговор — рассказывала, что соседка тётя Клава отдала рассаду помидоров, что в огороде появилась тля и что Барсик опять ушёл на весь день.

— Ты чего такой хмурый? — спросила она у папы.

— Да так, — ответил он. — Просто мысли разные.

Мама не стала дальше расспрашивать, только нахмурилась и переглянулась с Таней. Та ответила самым невинным взглядом: мол, что ты меня спрашиваешь? Я вообще не понимаю, о чём там думает папа.

После ужина сёстры быстро помыли посуду и сбежали в свою комнату, пожелав перед этим родителям спокойной ночи.

Закрыв дверь в комнату, Таня прислонилась к ней спиной и выдохнула:

— Фух, кажется, пронесло.

— Пока да, — ответила Василиса. — Но главное впереди. Ложитесь, вам нужно поспать. Я разбуду вас без пятнадцати двенадцать.

Девочки переоделись в пижамы и залезли под одеяла. Спустя немного времени глаза у Жени закрылись сами собой. Таня тоже быстро уснула — день выдался насыщенным.

Василиса сидела на подоконнике и спокойно ждала полночь. Она не спала. Она никогда не спала.

Когда время подходило к подъёму девочек, она слушала, как тикают часы, как похрапывают в соседней комнате папа с мамой, переворачиваясь с боку на бок, и наблюдала, как проплывают вечерние облака.

Без пятнадцати двенадцать Василиса тихонько спрыгнула с подоконника и подошла к Таниной кровати. Мягко коснулась её руки.

— Таня, вставай. Пора!

Таня открыла глаза, будто и не спала вовсе.

— Пора?

— Пора. Буди Женю.

Таня тихонько встала и потрясла сестру за плечо.

— Женя, вставай. Полночь уже.

Женя что-то пробурчала, перевернулась на другой бок и продолжила спать.

— Женя, вставай, пора выходить, или мы без тебя уйдём.

Через секунду до неё дошло. Она резко села, будто её подбросило.

— Я не сплю, я не сплю, я готова.

— Тише, — сказала Василиса. — Родителей не разбуди.

Они подошли к двери, прислушались. В доме было тихо. Тогда кукла повернулась к девочкам и шёпотом сказала:

— Одевайтесь потеплее. Ночью холодно, тем более у реки. И не забудьте хлеб.

Девочки натянули джинсы и кофты с длинными рукавами. Они действовали быстро и почти бесшумно, как партизаны, как две маленькие тени.

— Хлеб взяли? — спросила Василиса.

— Да, взяли! — ответила Таня. — Я половину буханки сегодня днём отрезала, пока мама была в огороде.

— Тогда выдвигаемся.

Выходить пришлось через окно — через парадную дверь было бы не вариант, да и дверь скрипела так, что могла бы точно кого-нибудь разбудить. Таня первая перекинула ногу через подоконник и прыгнула в кусты. Женя подала ей Василису и следом вылезла сама.

Луна висела высоко, светила ярко. Русалка непременно должна была любоваться ею. Такого шанса она не упустит.

— Идём быстро и молча, — прошептала Василиса на руках у Тани. — По дороге не разговариваем. Представьте, что вы шпионы.

Они пробрались к калитке, бесшумно открыли её и вышли на тропинку, ведущую к реке. Интересная картина получается: две девочки с говорящей куклой пробираются через лесную чащу, чтобы увидеть русалку. Кому расскажешь — не поверят.

Ночной воздух был свежим и влажным. Где-то вдалеке заливались своим пением сверчки. И будто луна, специально подсвечивала им дорогу.

Сёстры шли быстро. Таня прижимала Василису к груди так сильно, что моментами забывала, что она живая. Но Василисе это было приятно.

Они вышли на берег.

Река в лунном свете казалась серебряной. А поверхность её была гладкой, словно стеклянной.

— Садитесь, — велела Василиса. — Только не близко к воде. Мне надо её сначала позвать.

Таня опустила куклу на траву рядом с собой. Василиса встала, выпрямилась и замерла. Прошло несколько секунд.

— Лада! — негромко позвала кукла. — Выходи, не бойся, тут свои.

Сначала ничего не произошло, но через несколько секунд из середине реки показалась голова.

Голова была человеческой, с длинными тёмно-зелёными волосами, которые струились по воде, как водоросли. Кожа светилась в лунном свете мягким перламутровым цветом. Под светом луны они блестели.

Затем из воды поднялись плечи, потом руки. Лада подплыла к берегу и села на корягу.

Она была прекрасна.

Сёстры замерли, боясь дышать, боясь испортить мгновение.

Лада сидела на коряге, свесив свой красивый хвост в воду. Она смотрела на них огромными полурыбьими, получеловеческими глазами, в которых отражалась луна. Её волосы, словно водоросли, струились от плеча. Кожа светилась бледным холодным светом. В этой красоте было что-то красивое и пугающее. Что-то нечеловеческое.

— Здравствуйте, — сказала русалка шипящим голосом, похожим на шелест листьев. — Давно ко мне никто не заходил. Давненько я ни с кем не общалась.

Таня инстинктивно сделала шаг назад. Женя вцепилась в её руку.

Василиса шагнула к девочкам и встала между ними.

— Лада, привет! Я привела их для знакомства. Это те девочки, про которых я говорила.

— Знаю, знаю, — русалка склонила голову набок, рассматривая сестёр. — Вижу, от них пахнет любопытством и немножко страхом. Правильно делают, что боятся. Страх — это уважение.

— Мы не боимся! — выпалила Женя, хотя её голос дрожал.

— Не боишься? — усмехнулась Лада, обнажив острые, как иголки, зубы. — Точно не боишься? А стоило бы! Ты храбрая, но глупая. Бояться надо. Я всё-таки не кукла, могу и напугать.

Она подплыла ближе к берегу, и сёстры отступили ещё на шаг.

— Лада, хватит их пугать, — строго сказала Василиса.

— А я и не пугаю, — русалка пожала плечами, отчего её хвост взбурлил воду. — Я показываю им свою природу. Я могу быть очень коварной, но могу быть очень доброй и нежной. Всё зависит от того, кто передо мной. Пусть понимают, кто сейчас перед ними.

Она замолчала, сверля девочек холодным взглядом. Будто русалка смотрит прямо в их души, сканируя плохие и хорошие дела. Тишина затянулась.

Таня, собрав всю смелость, шагнула вперёд.

— Мы принесли тебе угощение, — сказала она дрожащим голосом и протянула буханку.

Лада посмотрела на хлеб, потом на Таню. Её лицо чуть смягчилось.

— Ладно, не буду вас есть, — улыбнулась Лада. — Да шучу я, расслабьтесь. Хлеб — это хорошо. — Она взяла буханку длинными бледными пальцами и отщипнула кусочек. — Спасибо.

Она положила хлеб в рот, медленно прожевала, не отрывая глаз от сестёр.

— Сегодня пекли?

— Да, мама пекла, — кивнула Таня. — Утром.

— Хорошая у вас мама, — Лада отщипнула ещё кусок. — Добрая. Я вижу, как вы хорошо воспитаны.

— Не бойтесь меня, — вдруг мягче сказала Лада. — Я вообще не ем людей. Ем только рыбу, водоросли, хлеб и иногда ягоды, которые у берега растут.

— А зачем ты нас напугала? — спросила Женя, чуть осмелев.

— Чтобы вы знали. Я не игрушка. Я живая и сильная. Могу наказать тех, кто делает воде плохо, но я не злая.

Она отложила хлеб в сторону, оперлась руками о корягу и подалась вперёд. Сёстры снова отшатнулись.

— Я здесь давно, очень давно. Но не так давно, как Василиса, она меня старше будет. Я помню вашу реку, когда она была ещё глубокой и чистой. Когда по берегу росли дубы, а не заборы. Когда был только лес и никакого города. Теперь приходится прятаться, чтобы никто не увидел. И я хочу, чтобы вы приходили в мой дом с уважением. Только тогда я позволю вам меня видеть. Иначе я просто уплыву в другое место, и вы меня больше никогда не увидите.

— Мы с уважением, — быстро сказала Таня.

— Хорошо, — Лада откинулась назад, опустив хвост в воду. — Тогда можете приходить. Только не часто, чтобы не привязываться друг к другу. Только тогда, когда луна полная. Можете приносить хлеб или ягоды. И никому не рассказывайте обо мне. А если расскажете и придёте ко мне, то я почувствую ложь и уйду навсегда.

В её голосе вдруг послышалась тоска. И в этот момент сёстры увидели её настоящую. Не красивую и страшную, а одинокую.

— Тебе здесь грустно? — тихо спросила Таня.

Лада помолчала. Луна плыла по небу, отражаясь в её глазах.

— Грустно. Очень грустно. Раньше нас было много. А теперь я одна. Старшие сёстры уплыли куда-то, а мама ушла на дно. И потом, люди портят реки, сливают что-то в них, мусорят. Вода болеет. А в больной воде мы не живём. И это наблюдать грустно.

Она замолчала. Сёстры тоже молчали.

— Ладно, — сказала Лада. — Вам уже пора. Приходите через месяц, когда луна станет полной, я проверю вашу честность. Проверю, не расскажете ли кому-нибудь про меня. Да и скоро рассвет, а он делает меня некрасивой.

— Хорошо! Мы придём! — сказали сёстры хором.

Лада кивнула — и исчезла под водой. Только круги разбежались по водной глади. Будто и не было её вовсе.

— Пойдёмте, — сказала Василиса. — Нам действительно пора.

Они вернулись домой почти бегом. Таня и Женя забрались в дом так же, как и вышли, — через окно. Укрылись одеялами и уснули, убаюканные волшебной тишиной. А Василиса снова села на подоконник и прошептала куда-то в темноту:

— Спите, девочки. Спите. Лето и волшебство только начинаются.

А где то там в речке, осталась грустить русалка, наверное думая об этой ночной встрече.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.